

ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Э.Х. Тарасова

Мы настолько привыкли к слову «самоубийство», что уже не задумываемся над его значением, смыслом, поэтому необходимо дать объективное определение самоубийства, чтобы четко установить предмет исследования.

Случается, что смерть является делом самой жертвы, что страдающим лицом является сам действующий субъект. С другой стороны, можно с определенностью сказать, что общераспространенное мнение о самоубийстве считает именно этот момент характерным, а внутренний мотив такого рода поступков, с этой точки зрения, не имеет определенного значения. Согласно обыденному представлению, самоубийство есть прежде всего порыв отчаяния у человека, который больше не дорожит жизнью. Но в действительности человек вплоть до самого последнего момента привязан к жизни, хотя эта привязанность и не мешает ему расстаться с нею. Важно только четко определить, что этот поступок совершается человеком сознательно, что сама жертва в момент действия знает о последующем результате своего поступка, каковы бы ни были мотивы, приведшие к его совершению. Все подобные случаи смерти резко отличаются от тех, в которых человек или не является орудием своей смерти, или же является им только бессознательно (это иной вид самоубийств, не входящий в рамки настоящего исследования). Общую причину совершаемых людьми самоубийств найти невозможно. Конечно, большую роль играют внешние факторы их бытия, но можно пойти по другому пути — оставив в стороне самого индивида, искать причины предрасположения к самоубийству в природе самих обществ. Например, Э. Дюркгейм утверждает, что каждая социальная группа имеет к самоубийству определенную, присущую именно ей, коллективную наклонность, которая и определяет собой размеры индивидуальных наклонностей¹.

Во все времена самоубийство считалось тяжким грехом и осуждалось и даже наказывалось. Является ли решение индивида добровольно оборвать свою жизнь преступлением против общества, морали, Бога или это его право, которое ему дано, как, например, право на жизнь, и он волен им распоряжаться и не быть осужденным?

Если оставить в стороне различие в деталях репрессивных мер, принимавшихся различными народами, то можно увидеть, что регламентация самоубийства прошла через две главные фазы. В первой фазе личности запрещено кончать с собою самовольно, но государство может выдать на это свое разрешение (так, например, в Афинах самоубийство с разрешения сената считалось законным актом, если устанавливалось, что жизнь испросившего сделалась невыносимой). Деяние становится безнравственным лишь в том случае, когда его совершают отдельные лица на свой страх без участия органов коллективной жизни. При известных обстоятельствах общество как бы уступает и соглашается разрешить то, что принципиально оно осуждает. Во второй фазе осуждение носит абсолютный характер и не допускает никаких исключений. Возможность распоряжения человеческой жизнью, за исключением смерти как возмездия за преступления, отни-

¹ Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1988. С. 24.

мается уже не только у заинтересованного субъекта, но даже и у общества. Этого права отныне лишены и коллективная, и индивидуальная воля.

Споры о «праве на самоубийство» не утихают и в настоящее время. Так, Э. Дюркгейм утверждает, что самоубийство должно осуждаться потому, что оно противоречит «культу человеческой личности, на котором покоится вся наша мораль». «Убивая себя, человек наносит, говорят нам, вред только самому себе, и обществу незачем вмешиваться сюда. Это заблуждение. Общество оскорблено, потому что оскорблено чувство, на котором основываются в настоящее время его наиболее почитаемые моральные аксиомы и которое служит почти единственной связью между его членами. С того момента, как человеческая личность признается и должна быть признана святыней, которой не может произвольно распоряжаться ни индивид, ни группа, всякое покушение на нее должно быть запрещено. Неважно, что преступник и жертва соединяются при этом в одном лице: социальное зло, следующее из акта, не исчезает только потому, что преступник причинил страдание только себе. Если факт насильственного прекращения человеческой жизни сам по себе всегда возмущает нас, как оскорбление святыни, то мы не можем терпеть его ни в каком случае. Уступив здесь, общественное чувство скоро потеряло бы свою силу»¹. Но в противовес воззрениям Э. Дюркгейма, М.И. Ковалев подходит к этой проблеме с другой стороны — если человеку дано право на жизнь, то он должен обладать и правом на смерть, а следовательно, не должно подвергаться осуждению (морально или юридически) решение человека по собственному желанию расстаться с жизнью. Право на жизнь — естественное право любого человека. Оно, бесспорно, существует, хотя и не фиксируется в правовых нормах в его непосредственном выражении. Более того, человек не может им пользоваться по своему усмотрению: помимо своей воли он рождается на свет, и опять-таки помимо своей воли он и покидает его. Однако активная жизнь, протекающая между жизнью и смертью, наполнена непрерывным осуществлением человеком своих прав и обязанностей. И в основе всех их лежит право каждого человека оставить после себя потомство, которое «берет на себя эстафету бытия». В этом абсолютном праве заложено последующее право на жизнь в потомках. Оно выражает высший смысл жизни и охраняется всей силой морали, норм закона, системой принуждения и поощрения. Именно благодаря праву на жизнь в правовом государстве, где в полную меру действуют законы гражданского общества, права и законные интересы граждан являются приоритетными перед всеми остальными².

В современном уголовном законодательстве нигде не содержится запрет на самоубийство. Можно ли из этого сделать вывод о праве на самоубийство? Некоторые юристы полагают, что такое право должно быть провозглашено в законе. М.И. Ковалев же считает, «что в правах, касающихся сущности человеческого бытия, нельзя исходить только из зафиксированных в нормативном акте норм. Существующее нормативистское представление о праве, видимо, должно распространяться только на действия, совершаемые в обществе и касающиеся взаимоотношений людей между собой, но не отношения человека со своей судьбой, если он сам захотел ее избрать»³. Но если безоговорочно согласиться с позицией

¹ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 409.

² Ковалев М.И. Права на жизнь и право на смерть // Законность. 1992. № 9. С. 68.

³ Ковалев М.И. Указ. соч. С. 71.

М.И. Ковалева и провозгласить право на смерть, пусть даже в качестве «неизменного принципа», то автоматически решается проблемный вопрос об эвтаназии — ее нужно разрешить. А если следовать утверждениям Э. Дюркгейма, то приходишь к выводу о том, что личность принадлежит обществу, которое считает себя вправе распоряжаться ею, иначе «оно (общество) будет оскорблено». Трудно согласиться с такими выводами. Я считаю, что не сам человек является «хозяином» своей жизни, — «помимо своей воли он рождается на свет, помимо своей воли он и покидает его». И уж тем более эти вопросы не подвластны «обществу». Существует Высшая сила, против которой и совершается преступление, когда человек, преступая границы дозволенного, берет на себя право, которое ему не принадлежит — расстаться с жизнью.

Еще большее преступление совершается против жизни, когда самоубийство умышленно и цинично спровоцировано другим человеком. Способы такого доведения могут быть разными, но все они приводят к преступной цели виновного. Это, безусловно, не должно оставаться безнаказанным. И уже в 1845 году вводится уголовная ответственность за доведение до самоубийства. Разумеется, этот институт со временем изменялся и дорабатывался. Но и на сегодняшний день остается неурегулированным ряд вопросов, связанных, например, с доведением до самоубийства несовершеннолетних или лиц, не способных осознавать свои действия либо руководить ими.

Для обоснованного привлечения к уголовной ответственности и правильной квалификации необходим тщательный анализ каждого признака состава преступления и их совокупности на базе диспозиции соответствующей нормы Особенной части УК и исследуемого деяния. Следует напомнить, что объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни человека. Объективная сторона выражается преимущественно в активных действиях, состоящих в истязаниях, причинении телесных повреждений, нанесении побоев, распространении клеветнических измышлений, оскорблениях, издевательствах и т.п. На мой взгляд, данное преступление может быть совершено и бездействием, например непредставлением питания, одежды, жилья лицом, которое обязано по закону заботиться о потерпевшем.

Наиболее интересными представляются положения о субъекте и субъективной стороне доведения до самоубийства. Субъектом преступления может быть только физическое, вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Субъектом доведения до самоубийства может быть любое лицо. Это необходимо подчеркнуть в связи с тем, что по УК РСФСР (ст. 107) для данного преступления был установлен специальный субъект — лицо, от которого потерпевший находился «в материальной или иной зависимости». Это требование приводило к тому, что в ряде случаев лица, виновные фактически в доведении до самоубийства, не привлекались к уголовной ответственности.

Субъективная сторона доведения до самоубийства вызывает оживленные споры в теории уголовного права. Многие авторы исходят из того, что вина при совершении этого преступления чаще всего характеризуется неосторожностью или, по крайней мере, косвенным умыслом. Прямой умысел, следовательно, превращает содеянное в умышленное убийство. Так, например С.В. Бородин¹, В.Н. Куд-

¹ Бородин С.В. Преступления против жизни. М., 1999. С. 62.

рявцев, А.В. Наумов¹, Б.В. Здравомыслов², И.Л. Козаченко, З.А. Незнамов³ считают, что субъективная сторона данного преступления характеризуется косвенным умыслом. Если лицо с прямым умыслом доводит потерпевшего до самоубийства, то такие действия следует расценивать как убийство. Оно фактически ничем, кроме способа лишения жизни, не отличается от нанесения смертельного ранения, отравления и т. п.

С таким выводом согласиться нельзя. Во-первых, виновный при доведении до самоубийства не совершает действий, которые непосредственно причиняют смерть потерпевшему; бездействуя, он также лично не прекращает жизнь другого человека — причинение себе смерти тут всегда опосредованно его волеизъявлением. Потерпевший должен сам лишиться себя жизни, и в этом, по мнению М.П. Журавлева, С.И. Никулина⁴ и других ученых⁵, принципиальное отличие доведения до самоубийства от убийства по объективной стороне. Эту позицию поддерживают и Ю. Ронжин, Б. Волков, которые к тому же опираются на имеющуюся судебную практику по данному вопросу — «при доведении до самоубийства в отличие от убийства виновный не лишает жизни потерпевшего. Своими действиями он не создает для потерпевшего фатальной неизбежности самоубийства, так как последний имеет возможность избежать издевательств со стороны виновного, не прибегая к самоубийству. Доведение до самоубийства, совершенное с прямым умыслом, квалифицировалось в судебной практике по ст. 107 УК РСФСР (ст. 110 УК РФ), и нам, например, не встретилось ни одного случая, когда бы подобные действия расценивались как убийство»⁶. В этой связи трудно согласиться с размышлениями И.Л. Козаченко, который утверждает, «что то обстоятельство, что лишение жизни выполняется самим потерпевшим, не имеет значения для квалификации деяния»⁷.

Во-вторых, по новому УК РФ (ст. 24) деяние, совершенное по неосторожности признается преступлением только в том случае, если это специально оговорено в соответствующей статье Особенной части Кодекса. Поскольку в ст. 110 УК такое указание отсутствует, это означает, что вина в данном случае может быть только умышленной, то есть в форме прямого или косвенного умысла. Виновный, следовательно, осознает, что, совершая деяние одним из указанных в законе способов, толкает потерпевшего к самоубийству, предвидит возможность или неизбежность лишения им себя жизни и желает (прямой умысел) или сознательно допускает такие последствия, безразлично относясь к ним (косвенный умысел). Возможно и неосторожное доведение лица до самоубийства. Однако в силу ч. 2 ст. 24 УК РФ ответственность по ст. 110 УК РФ в этом случае исключается.

Встречаются случаи, когда деяние, внешне сходное с доведением до самоубийства, является на самом деле убийством. Например, лицо кончает жизнь са-

¹ Кудрявцев В.Н., Наумов А.В. Российское уголовное право. Особенная часть. М., 1997. С. 57.

² Здравомыслов Б.В. Уголовное право России. Особенная часть. М., 1996. С. 49.

³ Козаченко И.Л., Незнамов З.А. Уголовное право. Особенная часть. М., 1998. С. 46.

⁴ Журавлев М.П., Никулин С.И. Российское уголовное право. Особенная часть. М., 1988. С. 46.

⁵ Рарог А.И. Уголовное право России. М., 1996. С. 34., Лебедев В.М. УК РФ. Научно-практический комментарий. М., 1998. С. 260.

⁶ Ронжин Ю., Волков Б. Судебная практика по делам о доведении до самоубийства // Советская юстиция. 1970. № 11.

⁷ Козаченко И.Л., Незнамов З.А. Уголовное право. Особенная часть. М., 1999.

моубийством или покушается на него в результате физического и (или) психического принуждения к этому. Такие случаи следует рассматривать как оконченное убийство или покушение на него, если будет доказан прямой умысел виновного на лишение потерпевшего жизни. Точно так же следует квалифицировать и случаи, когда виновному удалось склонить к самоубийству малолетнего или лицо, заведомо не способное осознавать свои действия либо руководить ими. Эта позиция большинства ученых-юристов мне тоже кажется верной, хотя, если говорить о практической стороне этого вопроса, то Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.01.99 «О судебной практике по делам об убийстве»¹ ничего об этом способе убийства не разъясняет.

На мой взгляд, самое важное в рассматриваемой проблеме то, что малолетний, в силу своего возраста, или лицо, которое не способно осознавать свои действия или руководить ими, в силу своего состояния, вряд ли понимает, что такое самоубийство вообще и к каким последствиям оно приводит. А так как самоубийство совершается всегда только с прямым умыслом, то есть когда лицо осознает, что в результате причиненного себе вреда оно может умереть, и уголовно наказуемое деяние, предусмотренное диспозицией ст. 110 УК, это как раз доведение до такого самоубийства. Следовательно, становится очевидным, что именно по этому признаку склонение виновным малолетнего или лица, неспособного осознавать свои действия либо руководить ими, не может быть квалифицировано по ст. 110 УК РФ.

В первом проекте УК РФ, подготовленном в Министерстве юстиции РФ, статья о доведении до самоубийства предлагалось сформулировать в двух частях. В первой части сохранить текст ст. 107 УК РСФСР, а во второй части не говорить о материальной или иной зависимости потерпевшего от виновного. Однако анализ судебной практики по данной категории дел показал, что вполне достаточно ограничиться одной частью этой статьи, не предусматривающей материальную или иную зависимость потерпевшего от виновного². Действительно, исключение из диспозиции ст. 110 УК условия материальной или иной зависимости потерпевшего от виновного при доведении до самоубийства расширило рамки применения этой статьи. Но, на мой взгляд, вернее было бы не исключать данное условие из диспозиции ст. 110 УК, а ввести его как квалифицирующий признак, тем самым увеличив размер уголовной ответственности виновного лица, от которого в материальной или иной зависимости находится потерпевший. Ведь в данном случае виновный знает о зависимости от него потерпевшего и злоупотребляет ею. Это зависимое положение одного от другого уже ставит их в неравные условия. Виновному в данном случае легче добиться преступной цели, так как он знает о своей власти над потерпевшим и может создать для него еще большую безвыходную ситуацию. Нерешенным на сегодняшний день остается вопрос о доведении до самоубийства несовершеннолетнего или невменяемого — хотелось бы еще раз подчеркнуть, что законодательного урегулирования он не получил, хотя, на мой взгляд, это необходимо сделать.

С учетом всего вышеизложенного, предлагается следующая редакция ст. 110 УК РФ:

¹ Сборник Постановлений Пленума ВС РФ (СССР, РСФСР) по уголовным делам / С.Г. Ласточкина, Н.Н. Хохлова. М., 2000.

² Преступление и наказание. Комментарий к проекту УК России. М., 1993. С. 117.

1. Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего — наказывается ограничением свободы на срок до трех лет либо лишением свободы на срок до пяти лет.

2. То же деяние, совершенное:

а) в отношении лица, находящегося от виновного в материальной или иной зависимости;

б) в отношении заведомо несовершеннолетнего;

в) в отношении лица, заведомо для виновного страдающего психическими расстройствами

наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.